В. А. МАКЛАКОВЪ

ТОЛСТОЙ И БОЛЬШЕВИЗМЪ

РѢЧЬ

ПАРИЖЪ

1921

ТОЛСТОЙ И БОЛЬШЕВИЗМЪ.

В. А. МАКЛАКОВЪ.

ТОЛСТОЙ И БОЛЬШЕВИЗМЪ

РѢЧЬ.

ПАРИЖЪ
1921.

Imprimerie «ZEMGOR», 216, Bd Raspail, Paris.

Толстой и большевизмъ*)

Я остановился на темѣ «Толстой и большевизмъ» не по ея злободневности, еще меньше изъ-за мелкаго желанія воспользоваться Толстымъ для партійной полемики. Вечеръ посвященъ Толстому, чествованію *его* памяти; объ ней буду и я говорить; но на эту память предполагаемое отношеніе Толстого къ большевизму легло какою-то тѣнью. Мы имѣли случай въ этомъ убѣдиться. Когда 2 мѣсяца тому назадъ возникла мысль устроить въ память Толстого международное чествованіе, среди иностранцевъ и даже среди насъ самихъ эта мысль встрѣчала недоумѣнный вопросъ: — развѣ своевременно это теперь, въ разгаръ большевизма, моральная отвѣтственность за который лежитъ на Толстомъ? И какую отвѣтственность имѣлъ въ виду этотъ вопросъ? Противники чествованія не ограничивались хо-

*) Рѣчь, произнесенная на вечерѣ въ память Льва Николаевича Толстого 5-го января 1921 г. въ Salle Gaveau.

дячимъ утвержденіемъ, будто большевизмъ и Толстой—явленія сродныя,ибо одинаково вытекаютъ изъ глубинъ русскаго характера. Съ такимъ тезисомъ, конечно, можно поспорить; можно усомниться, есть-ли большевизмъ дѣйствительно порожденіе русскаго духа. Но это былъ бы хотя и интересный, но все-таки чисто академическій споръ. Такое сродство — если бы оно и было — ничего не доказывало бы. И Платонъ Каратаевъ и Федоръ Карамазовъ безспорно русскіе типы, но кто-же будетъ возлагать на одного отвѣтственность за другого? Отвѣтственность Толстого за большевизмъ понималась не такъ, выводилась не изъ національнаго характера обѣихъ доктринъ, а изъ ихъ *внутренней близости.* И нѣкоторые удивительные факты давали, казалось, основаніе къ этому выводу. Ни для кого не тайна — почетъ, которымъ большевики окружаютъ память Толстого. Правда, они держатъ въ тюрьмѣ его дочь, но платили пенсію его вдовѣ, сохранили его имѣніе, назвали его именемъ какую-то улицу, а въ годовщину его смерти устраиваютъ всенародное поминаніе, о чемъ на весь міръ повѣщаютъ. Но что еще удивительнѣе, тѣ, которыхъ мы въ общежитіи называли «толстовцами», его послѣдователи и друзья, оказались не въ станѣ враговъ и безпощадныхъ обличителей

большевизма; они вмѣстѣ съ главарями большевиковъ издаютъ въ Россіи его сочиненія, а нѣкоторые уже за-границей, то-есть на полной свободѣ, передъ лицомъ всего міра не постѣснились сказать, что въ большевизмѣ есть черты, которыя были бы дороги Толстому, что въ столкновеніи большевиковъ съ міромъ Толстой былъ бы на ихъ сторонѣ. Этихъ фактовъ достаточно, чтобы оправдать мою тему сегодня. Разъ они налицо, то вопросъ объ истинномъ отношеніи Толстого къ большевикамъ, изъ самаго уваженія къ его памяти, надо *поставить,* а не обходить стыдливымъ молчаніемъ. Конечно, это не только интересная, но обширная тема. Отношеніе Толстого къ большевикамъ было бы совсѣмъ непохоже на наше. Онъ бы сказалъ намъ, людямъ міра, къ какимъ бы оттѣнкамъ политической мысли мы ни принадлежали, что *не намъ* осуждать большевиковъ; что большевизмъ есть утрированное, безсовѣстное, но и логическое послѣдствіе тѣхъ ученій и взглядовъ, которыхъ держимся мы; что хотя большевизмъ появился сравнительно поздно, но въ зародышѣ онъ былъ весь на-лицо съ того самаго времени, какъ міръ покинулъ завѣты Христа и пошелъ той дорогой, которой мы всѣ продолжаемъ идти. Большевизмъ *наше* дѣтище, заслуженная *нами* Не-

мезида; въ большевизмѣ мы, слѣдующіе ученію міра, должны познать сами себя... Вотъ что сказалъ бы Толстой; у меня нѣтъ времени, чтобы развить эту мысль и даже чтобы заступиться за міръ; эту интересную тему я оставлю въ сторонѣ. Но такое отношеніе Толстого къ ученію міра и къ отвѣтственности міра за большевизмъ, ничего не измѣнитъ въ основномъ фактѣ, а именно, что въ большевизмѣ соединилось все, что было наиболѣе ненавистно Толстому; и что потому говорить о какомъ бы то ни было сходствѣ между ученіемъ Толстого и большевиковъ значитъ ничего не понимать въ этомъ ученіи.

И во-первыхъ.

Въ отношеніи къ большевизму между Толстымъ и нами, людьми міра, есть одна глубокая разница; страстность нашихъ нападокъ направлена *не на идеалъ* большевизма, а на практическое его проявленіе; безповоротно отрицательное отношеніе Толстого обращено *къ самому идеалу*. Конечный идеалъ большевизма—коммунистическое государство — имѣетъ мало общаго съ тѣмъ, что сейчасъ творится въ Россіи. Но что люди міра могли бы возразить противъ самого идеала коммунистовъ, противъ государства, въ которомъ не было бы классовъ, гдѣ *всѣ* принудительно *работали* бы не другъ на друга,

а на все государство, гдѣ не было бы собственниковъ, ибо *вся собственность* принадлежала бы государству? Что будетъ представлять изъ себя такое государство? Оно покажется какъ бы одной громадной фабрикой, гдѣ каждый обязанъ трудиться на общую пользу тамъ и такъ, какъ ему прикажутъ, но гдѣ за то каждый и получаетъ отъ государства все, что ему нужно; это государство издаетъ въ этомъ направленіи законы, судитъ и караетъ за ихъ нарушеніе, силой приводитъ ихъ въ исполненіе; въ немъ сохранятся всѣ обычные аттрибуты государства: судъ, полиція, войско; будетъ поддерживаться внѣшній порядокъ, будутъ чиновники, весь административный аппаратъ, предупреждающій беззаконія и своеволія; только вся эта машина будетъ направлена къ новой цѣли, къ тому, чтобы всѣ отдавали всю свою жизнь, весь свой трудъ государству, несли равную обязанность работать не для себя, не для своего благополучія, не во имя своихъ интересовъ, а на пользу государства; личность при этихъ условіяхъ всецѣло поглощается государствомъ, но за то въ немъ не будетъ привиллегированныхъ и обиженныхъ, слабыхъ и сильныхъ. Таковъ коммунистическій идеалъ; что мы, люди міра, могли бы сказать противъ подобнаго строя?

Одни изъ насъ скажутъ, что это утопія, что такое государство противно человѣческой природѣ, и потому невозможно. Другіе признаютъ, что оно имъ не нравится, что государство превратится въ фабрику, которая не идеалъ общежитія, что инициіатива личности въ немъ будетъ уничтожена, что это, говоря словами Спенсера, — «грядущее рабство». Но эти возраженія не убѣдительны; и современный капиталистическій строй имѣетъ свои недостатки и конечно многимъ имѣетъ право не нравиться; а что касается до противорѣчій законамъ природы, то это такъ условно; подобная ссылка столько разъ уже дѣлалась и столько разъ оказывалась несостоятельной! Но, во всякомъ случаѣ, эти возраженія *не принципіальны*; не соглашаясь съ возможностью и даже желательностью подобнаго строя, намъ, людямъ міра, *не за что его ненавидѣть*. И это понятно. Мы всѣ, люди самыхъ различныхъ политическихъ взглядовъ, говоримъ съ коммунистами на томъ же языкѣ, исходимъ изъ одной точки зрѣнія — мы всѣ государственники. Мы не мыслимъ личности внѣ общежитія, общежитія внѣ государства, а государства безъ права на принужденіе. Для насъ всего выше принципъ общаго блага, этотъ основной принципъ всякаго общежитія; долгъ

государства, по нашему мнѣнію, служить этому принципу. Какъ бы ни были различны формы государственнаго устройства, его сущность остается одной: и въ коммунистическомъ государствѣ остаются поэтому тѣ же основные пріемы управленія, тѣ же органы и институты какъ и въ демократической республикѣ и въ аристократической монархіи. При всемъ ихъ различіи между собой они явленія одной категоріи и потому, хотя мы можемъ *предпочитать* одно другому,мы можемъ все-таки ихъ и *понять* и, если нужно, *принять*.

Совсѣмъ иное дѣло Толстой. Я не поддамся соблазну излагать его ученіе, соблазну показать, что какъ ни далеко это ученіе отъ того, чему мы всѣ вѣримъ, оно не такъ нелогично, какъ это думаютъ люди, отдѣлывающіеся отъ него двумя-тремя возраженіями. Я не войду въ детали вопроса, но сущность воззрѣній Толстого общеизвѣстна. Слова Христа — «не противься злу насиліемъ» для него не метафора, не преувеличеніе, не парадоксъ, а истина простая и исполнимая. Толстой отрицаетъ *всякое насиліе, во имя чего* оно бы ни дѣлалось и *кѣмъ* бы ни дѣлалось. Для него государство имѣетъ не болѣе правъ на насиліе, чѣмъ кто бы то ни было; поэтому Толстой отрицаетъ самую сущность госу-

дарства, все назначеніе котораго въ правѣ насилія, направленнаго къ общему благу; онъ отрицаетъ самую государственную идею, всѣ государственные институты, самые почтенные и необходимые, войско, полицію, судъ. Онъ отвергъ бы и коммунистическое государство по тѣмъ же самымъ причинамъ, по которымъ отвергалъ всякое другое. Въ коммунизмѣ для него нѣтъ ничего, что могло бы прельстить его больше, чѣмъ другія системы; съ его точки зрѣнія между ними всѣми нѣтъ разницы въ самой основѣ. Всѣ онѣ построены на одномъ началѣ; на вѣрѣ въ спасительность *насилія*, а не завѣтовъ Христа; построены не на законѣ любви, а на законѣ *принудительной* справедливости; въ коммунизмѣ нѣтъ ничего, чтобы *съ этой стороны* выгодно бы отличало его отъ другихъ. Напротивъ того; коммунистическое государство въ той самой мѣрѣ, въ которой оно наиболѣе полно осуществляло-бы принципъ равенства и справедливости, показалось бы для Толстого наиболѣе опаснымъ ученіемъ. Въ одномъ изъ послѣднихъ сочиненій (Христово ученіе) Толстой ставитъ вопросъ, почему міръ не пошелъ за ученіемъ Христа? Отвѣтъ на это онъ нашелъ, между прочимъ, въ ученіи о соблазнахъ: «Соблазнъ, — говоритъ онъ,— есть ловушка, въ которую заманивается чело-

вѣкъ подобіемъ добра,и,попавъ въ нее,погибаетъ въ ней».Однимъ изъ такихъ соблазновъ является соблазнъ государства; «онъ состоитъ въ томъ, что люди оправдываются въ совершеніи ими грѣховъ благомъ многихъ людей, народа или человѣчества». Насиліе есть зло по самой природѣ; но оно особенно опасно, когда *замаскировано*, и *«оправдывается подобіемъ добра»*, какъ будто ведетъ къ благу. Долгъ христіанина разоблачать это зло, возставать противъ подобнаго его оправданія. Потому-то Толстой въ своемъ отношеніи къ проявленіямъ государственной жизни обличалъ особенно страстно тѣ ея стороны, гдѣ зло наиболѣе прикровенно; судебная дѣятельность, напримѣръ, которая для людей міра представляется наиболѣе почетной и безспорной изъ всѣхъ государственныхъ проявленій, по этому самому вызывала съ его стороны наиболѣе безпощадное осужденіе. Точно также при сужденіи о различныхъ государственныхъ формахъ, Толстой былъ-бы всего строже къ той, гдѣ лежащее въ основѣ всякаго государства насиліе было-бы *наиболѣе прикрыто* иллюзіей общаго блага, соблазномъ справедливости. Въ этомъ строѣ торжество идеи насилія надъ христіанской любовью было бы наиболѣе скрыто, а потому и наиболѣе опасно. Коммунистическое государство,

по мнѣнію Толстого, могло бы въ глазахъ міра явиться оправданіемъ зла, оправданіемъ самой государственной идеи, апологіей насилія и принужденія. То, что насъ, людей этого міра, наиболѣе привлекало бы въ этой доктринѣ, Толстого отъ нея наиболѣе бы оттолкнуло. Толстой и мы всѣ стоимъ по разнымъ сторонамъ баррикады, но мы стоимъ по одну сторону не съ Толстымъ, *а съ большевиками.* Толстой такъ далекъ отъ насъ всѣхъ, что съ высоты его міровоззрѣнія разница между нами почти незамѣтна. Въ этомъ сущность Толстого, какъ мірового явленія, его историческая позиція. Если на это скажутъ, что такіе взгляды и подобная проповѣдь Толстого могли быть вредны, что они не проясняли политическаго сознанія Россіи, внушали русскому обществу вредный политическій индифферентизмъ, сѣяли смуту въ умахъ, — я спорить не буду; я не выдаю Толстого за политическаго мыслителя и теоретика; Толстой моралистъ по существу и чистый анархистъ въ государственномъ смыслѣ. Его вліяніе въ этомъ отношеніи могло быть вреднымъ, особенно для тѣхъ, кто его не понималъ. Все это такъ, но не въ этомъ вопросъ. Но въ виду такихъ его взглядовъ, можемъ-ли мы думать, что Толстой могъ быть чѣмъ-нибудь прельщенъ въ коммунистическомъ идеалѣ, что-

бы *за стремленіе къ нему* онъ могъ бы что бы то ни было *простить* или *забыть* большевикамъ? Самъ коммунистическій идеалъ былъ для него чуждъ и нежелателенъ. Онъ гораздо дальше отъ этого идеала, чѣмъ всѣ мы, противники большевиковъ, слѣдующіе ученію міра. Что же могло бы примирить Толстого со зломъ, которое дѣлается во имя этого идеала?

Но отношеніе Толстого къ коммунистическому идеалу имѣетъ интересъ только академическій. Такого государства вообще еще не существуетъ въ природѣ. Но за то уже четвертый годъ въ Россіи длится то, что носитъ названіе большевизма. Большевики сами не станутъ утверждать, чтобы порядокъ, который сейчасъ ими установленъ въ Россіи, былъ нормальнымъ порядкомъ; для него у нихъ другія объясненія; это только революціонный періодъ, переходное время, у котораго свой особый историческій смыслъ. Задача его сломить господство собственниковъ, буржуазіи, разломать буржуазный строй до основанія, хотя бы цѣной уничтоженія цѣлаго класса. «Надо, по ихъ мнѣнію, сначала сдѣлать это, а потомъ уже строить новое зданіе на совершенно новыхъ началахъ. Это — хирургическая операція, которая, какъ всякая операція, носитъ временный характеръ и о которой

забываютъ съ достиженіемъ цѣли. Періодъ подобной ломки всегда жестокъ, стоитъ много крови и слезъ. Онъ насыщенъ несправедливостью, но это ступень къ другой, высшей справедливости. Это — муки рожденія новаго строя. Сами большевики оплакиваютъ эти насилія, но они творятъ зло во имя лучшаго будущаго». Такъ говорятъ большевики; я не хочу полемизировать съ ними, не буду разсматривать, искренни-ли эти слова. Но нельзя не признать, что подобная постановка вопроса для насъ, людей міра, вполнѣ допустима. Мы, противники большевиковъ, какъ и они сами, признаемъ, что бываютъ эпохи, когда *насиліе необходимо,* когда жестокостью и кровью ведутъ къ лучшему будущему. Кто изъ насъ съ самыхъ противоположныхъ полюсовъ будетъ отрицать это въ принципѣ? Возьмите консервативныя партіи. Развѣ въ минуту обостренія «революціонныхъ движеній» онѣ не признавали, что необходимы противъ революціонеровъ исключительные законы, особенныя репрессивныя мѣры, что нормальныя мѣры, которыми защищается общежитіе, въ такія минуты недостаточны? Развѣ не говорили онѣ, какъ Столыпинъ, когда имъ указывали на случайность, жестокость, несправедливость репрессій, что «когда горитъ домъ, бьютъ стекла», развѣ не это пониманіе

облекалось въ знаменитую фразу: «сначала успокоеніе, а потомъ реформы»? Развѣ полевые суды, жандармскій терроръ, военныя положенія, отмѣна гражданскихъ правъ и судебныхъ гарантій противъ революціонеровъ не допускались и не допускаются принципіально идеологіей правыхъ воззрѣній? И не лѣвымъ теченіямъ упрекать ихъ за эту идеологію. Развѣ они сами mutatis mutandis смотрятъ *иначе* на этотъ вопросъ? И для насъ право возстанія противъ власти, т. е. тоже насиліе, являлось въ нѣкоторыхъ случаяхъ не только правомъ, но государственнымъ долгомъ. Развѣ мы не идеализировали революцій и чужихъ, и своихъ? Не оправдывали убійствъ, насилій и беззаконій въ тѣхъ случаяхъ, когда эти насилія вели къ прогрессу, имѣли цѣль для насъ симпатичную? Возьмемъ самую отталкивающую форму насилія — террористическій актъ, то есть убійство безоружнаго, часто убійство исподтишка. Развѣ мы его не оправдывали во имя его цѣлей и результатовъ? Развѣ Шарлотта Кордэ для насъ не была героиней, мы не апплодировали убійствамъ Сипягина и Плеве, и первая либеральная Государственная Дума не отказалась осудить хотя бы морально революціоннаго террора? И замѣтьте, что во мнѣ вовсе не говоритъ человѣкъ, который покаялся,

перемѣнилъ кожу и цвѣтъ. Я остался тѣмъ, чѣмъ былъ, и принципіально признаю и *право* на насиліе и иногда *необходимость* насилія. Если я признаю за *государствомъ* право насилія, — а безъ этого нѣтъ государства, и безъ государства я не мыслю возможности общежитія, — то я по необходимости долженъ признать и право на *революцію;* когда правительство расходится съ интересами и правами народа, народъ имѣетъ право, своей *собственной силой* бороться противъ силы правительства. Революція для меня то же, что и война; я хотѣлъ бы, чтобы на свѣтѣ не было ни войнъ, ни революцій. Но какъ въ иныхъ случаяхъ война неотвратима, ибо уклоненіе отъ нея означало бы недостойное подчиненіе чужой волѣ, такъ можетъ быть необходима и та внутренняя война, которая именуется революціей. Признавая право на *Революцію,* мы признаемъ и *всѣ* ея формы; и гражданскую войну, и возстаніе и даже террористическій актъ. Выборъ ихъ опредѣляется обстоятельствами, принципомъ наименьшаго зла, роковой необходимостью. Такъ мы разсуждали и поступали, и были правы, или по крайней мѣрѣ были *послѣдовательны.* Но при этихъ условіяхъ, какая же между нами и большевиками принципіальная разница въ *постановкѣ вопроса?* Старый

режимъ въ свое время идеей *общаго блага* оправдывалъ *насилія* противъ *революціонеровъ;* большевики тѣмъ же оправдываютъ *насилія* противъ *контръ-революціонеровъ.* А мы, прогрессисты, оправдывали раньше насилія противъ правительства, а теперь противъ большевиковъ. Если это такъ, то въ сущности мы противъ большевистскаго насилія не потому, что это *насиліе,* а только потому, что оно по нашему мнѣнію *дурно* направлено; сами того не замѣчая, мы слѣдуемъ готтентотскому правилу: «дурно, если лошадь украли у меня; хорошо, если ее укралъ я». Потому въ нашемъ спорѣ съ большевиками о насиліи нѣтъ принципіальной основы. Люди одного вѣрованія, сторонники государства, а потому и революціи, — ибо кто признаетъ государство непремѣнно признаетъ и революцію, мы споримъ съ ними о фактѣ, о деталяхъ, а не о *принципѣ.* И когда большевизмъ падетъ, его совершенно послѣдовательно замѣнитъ бѣлый терроръ со всѣми тѣми явленіями, которыя мы *сейчасъ* въ другихъ осуждаемъ. Это уже и бывало при нашихъ частичныхъ успѣхахъ.

Совсѣмъ иное Толстой. У него исходная точка другая. Между нами всѣми и имъ *идейная* пропасть. Мы всѣ разными словами выражаемъ

одну и ту же мысль, которую когда-то высказалъ Каіафа, отдавая на судъ Христа: «лучше одному человѣку погибнуть, чѣмъ всему міру». Каіафа выразилъ общее міровое воззрѣніе, сущность ученія міра; эта мысль не разъ повторялась и раньше, и послѣ него. Историки литературы отмѣтили, что та же мысль тѣми же словами была выражена Демосѳеномъ задолго до Каіафы и что ее повторилъ Мирабо въ своей рѣчи sur la banqueroute. Въ этомъ основномъ тезисѣ все ученіе міра и оправданіе государства. Мы всѣ такъ думаемъ, если этого и не говоримъ; а если такъ и не думаемъ, то всѣ такъ поступаемъ. Но Толстой этого бы не сказалъ и не подумалъ; его міровоззрѣніе опредѣляется словами Ивана Карамазова въ его знаменитомъ разговорѣ съ братомъ: «если для спасенія всего человѣчества надо было бы убить ребенка, убилъ ли бы ты его», — спрашиваетъ Иванъ Карамазовъ. Для Толстого въ этомъ вопросѣ не было бы ни трагедіи, ни вопроса: «нѣтъ, конечно, не убилъ бы». Не признавая за государствомъ права насилія, онъ не признавалъ его ни за кѣмъ. Какъ бы ни заманивала его идея общаго блага, идея общей пользы, онъ не допустилъ бы, чтобы это благо могло оправдать какое-либо насиліе, чтобы зло вело къ бла-

гу. Насиліе для него абсолютное зло, никогда не допустимое. Fais ce que dois, advienne que pourra — любилъ повторять Толстой.

И онъ оставался послѣдователенъ; ему были бы ненавистны насилія большевиковъ и самые мотивы, которыми они себя бы оправдывали. Но ему было также ненавистно и то насиліе, которому *мы* когда-то *радовались* и которое мы въ свое время оправдывали. Всякая революція, дѣлаемая изъ самыхъ лучшихъ побужденій, вызывала въ немъ одно отрицаніе; я помню его отношеніе къ революціи 1905 г., къ той революціи, которая была и наиболѣе безкровной, и наиболѣе безспорной; онъ говорилъ о ней съ осужденіемъ. Я помню его въ день убійства Сипягина; кругомъ него радовались, думая, что это убійство можетъ быть переломомъ, переходомъ къ лучшей политикѣ, онъ же огорчался и не столько оттого, что убили Сипягина, сколько оттого, что этимъ могли *восхищаться*. Насиліе, которое для него всегда было зломъ, становилось особенно ненавистно, когда имъ преслѣдовали такія цѣли, которыя сами по себѣ были симпатичны ему, какъ всякое освобожденіе, когда это насиліе защищали тѣ люди, къ которымъ онъ хорошо относился. Революція 1905 г. отталкивала его не потому, чтобы онъ боялся за существующій

строй, который она разрушала; строемъ онъ совсѣмъ не дорожилъ. Но она была для него ненавистнѣе, чѣмъ то правительственное насиліе, съ которымъ боролась, именно потому, что революціонное насиліе направлялось не *противъ* людей, ему близкихъ, а *ими самими,* и во имя началъ, которыя были ему симпатичны; мы его окружавшіе мирились съ насиліемъ потому, что оно направлялось въ симпатичную сторону, а Толстой именно отъ этого огорчался.

Вотъ почему, если бы онъ дожилъ до большевизма, онъ обрушился бы на него всей силой своего убѣжденія; но *нашего* возмущенія противъ нихъ онъ бы не раздѣлилъ, и сказалъ бы, что именно *мы* отвѣтственны за большевистскіе ужасы, что сейчасъ повернуто противъ насъ *наше собственное міровоззрѣніе.* И если мы, *люди* міра, или по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ насъ думаютъ, что онъ повиненъ за насилія большевизма, то онъ то же самое сказалъ бы про насъ и въ этомъ его утвержденіи было бы больше правды и логики, чѣмъ въ томъ, что мы говоримъ про него.

Но если Толстой осудилъ бы и идеалъ большевизма, и идеологію революціи, то что сказалъ бы онъ про то, что сейчасъ творится во имя этого идеала и подъ защитой этой идеологіи? Если

Толстой мало интересовался порядками, онъ интересовался личностью; онъ не былъ государственникъ, но за то былъ моралистъ. Душа человѣка для него важнѣе цѣлаго міра и его благополучія. Самые общественные порядки, профессіи и положенія онъ оцѣнивалъ съ точки зрѣнія того вліянія, которое они имѣютъ на человѣка, на его внутренній міръ. Въ каждомъ «звѣрѣ» онъ старался найти человѣка. Онъ вмѣстѣ съ Христомъ повторялъ, что нѣтъ прощенія тому, кто соблазнитъ единаго изъ малыхъ, кто развиваетъ въ человѣкѣ дурные инстинкты. А съ этой точки зрѣнія что Россіи далъ большевизмъ? Даже ихъ обыкновенная, приспособленная къ условіямъ мирнаго времени, теорія классовой борьбы была ему несимпатична; носитель завѣтовъ Христа, не знающихъ ни Эллина, ни Іудея, ни раба, ни свободнаго, онъ не могъ признать классовую борьбу мотивомъ человѣческой дѣятельности. Но въ расцвѣтъ большевизма *борьба съ сильнымъ классомъ* смѣнилась его истребленіемъ, уничтоженіемъ слабаго и безоружнаго; вражда выродилась въ злобу и ненависть. Вотъ чувства, которыя не только вышли наружу, но которыя сверху старались вызвать и культивировать. Какъ же это могло отразиться на народной ду-

шѣ? Въ статьѣ: «Не могу молчать» Толстой возмущался развратомъ, который внесли въ народную душу казни и ремесло палача. Онъ не могъ простить русской власти, что она развращаетъ людей, соблазняетъ выгодой ремесла палача и заставляетъ народъ мириться съ этимъ явленіемъ. А вѣдь въ то время было не болѣе нѣсколькихъ сотъ казней въ годъ; ихъ совершали ночью, тайкомъ, какъ дѣлаютъ необходимое, но постыдное дѣло, при всеобщемъ неодобрительномъ молчаніи, а иногда и громогласномъ осужденіи, безъ попытки эти казни восхвалять и идеализировать. Какъ же отражаются на народной душѣ эти казни *теперь*, когда онѣ совершаются не отдѣльными добровольцами, а цѣлой толпой, у всѣхъ на виду, какъ праздникъ, подъ кровожадныя рукоплесканія прессы, когда изъ казней дѣлаютъ зрѣлище, ходятъ на нихъ смотрѣть какъ въ театръ? У сколькихъ это разбудило звѣря въ душѣ, сколько внесло соблазна и разврата! И развращены этимъ не только сами убійцы добровольные и подневольные; развратъ отразился на тѣхъ, кто это видитъ, и *долженъ молчать*. Я не брошу камня въ тѣхъ, кто остался въ Россіи, чтобы они тамъ ни дѣлали. Я отрицаю за нами, за эмиграціей, которая живетъ въ безопасности, а иногда и въ довольствѣ, право осу-

ждать тѣхъ,кто остался въ Россіи.Не мы у нихъ,а они у насъ потребуютъ отчета. Но фактъ остается фактомъ — такія явленія безнаказанно не проходятъ. Люди, которые все видятъ и знаютъ и принуждены молчать и терпѣть, одни сломленные страхомъ за себя и за близкихъ, другіе — измученные голодомъ и лишеніями, люди, которые принуждены, затаивъ злобу и скорбь, присутствовать при томъ, что насильники дѣлаютъ съ ихъ же народомъ, — эти люди однимъ этимъ молчаніемъ деморализуются нравственно, теряютъ къ себѣ уваженіе, становятся соучастниками. И когда подумаешь, что они не только *«молчали»*, но доходили до того, что говорили съ убійцами, пожимали имъ руку, а въ тѣхъ случаяхъ, когда у убійцъ пробуждалось нѣкоторое человѣческое отношеніе, ихъ благодарили и чествовали! Какое моральное паденіе нужно перенести, чтобы среди этихъ звѣрствъ тѣшить тирановъ Россіи спектаклями, устраивать банкеты Луначарскому, превозносить его доброжелательное и заботливое отношеніе къ ученому міру! Что было нужно перенести, чтобы дойти до подобнаго униженія! Какъ нужно было очерствѣть сердцемъ и совѣстью, чтобы это стерпѣть! Вѣдь что теперь творится въ Россіи? Мы возмущались прежде смертными казнями, но въ

то время въ нихъ было предварительно все таки подобіе суда, хотя и пристрастнаго, онѣ были возмездіемъ за преступленія, хотя бы и не всегда тяжкія. Теперь же это поставлено иначе. Смертная казнь вовсе не жестокое наказаніе за мелкое преступленіе, это просто пріемъ управленія, способъ разрѣшенія соціальной и политической проблемы: сдѣлать возможнымъ тотъ новый строй, который большевики хотятъ ввести, и для этого истребить цѣлый общественный классъ, совершенно его обезсилить. Въ уровень подобной задачи поставлены средства. Надо спуститься въ глубину вѣковъ, когда истребляли, поголовно истребляли побѣжденные народы, раскрыть «Книгу Царствъ», чтобы въ ней найти прецеденты. Возьмите, напримѣръ, институтъ заложниковъ. Прежде, когда случалось убивали арестованныхъ и заключенныхъ, хоть изъ приличія притворялись, что ими была сдѣлана попытка бѣжать. Теперь этого лицемѣрія больше нѣтъ, его больше не нужно; вещи можно называть собственнымъ именемъ; безъ стѣсненія объявляется всенародно, что будутъ убивать невинныхъ,отлично зная, что это—невинные,будутъ убивать ихъ за то, что сдѣлаютъ не *они*, а другіе. И люди, которые объявляютъ это и дѣлаютъ, эти люди не только ходятъ на свободѣ,

но повелѣваютъ другими, съ ними переписываются представители культурныхъ государствъ и правительствъ, ихъ при нѣкоторыхъ условіяхъ готовы признать властью. Ихъ у себя дома чествуютъ за услуги просвѣщенія и превозносятъ какъ героевъ новаго слова. Какой осадокъ останется въ народной душѣ, которая переживаетъ это униженіе. Цѣлое поколѣніе развращается и морально погибаетъ. Спасенія можно ждать только отъ будущихъ поколѣній... А между тѣмъ какое поколѣніе подростаетъ? Что въ немъ воспитываютъ не только коммунистической школой, но всею жизнью, примѣромъ другихъ, примѣромъ родителей и старшихъ. Когда Добровольческая Армія подходила къ Харькову, она встрѣтила такую картину: дѣти глумились надъ умирающимъ офицеромъ, выковыривали ему глаза, мучили его въ моментъ агоніи. На возмущенные укоры дѣти отвѣтили съ недоумѣніемъ: «да вѣдь это буржуй». Вотъ во что большевики превратили дѣтей! И вѣдь эта злоба не останется безъ реакціи; она скажется въ то время, когда падетъ большевизмъ. Когда же настанетъ, если не то царство любви, о которомъ мечталъ Толстой, то хотя бы тотъ внѣшній миръ, который существовалъ до большевизма? Намъ придется еще по-

режить ужасную полосу возмездія за то, что теперь переносятъ, полосу такой же крови и безчеловѣчности, къ которой мы третій годъ привыкаемъ. Эти уроки не проходятъ даромъ народу, какъ бы ни былъ онъ кротокъ, и Россія будетъ завтра не тѣмъ, чѣмъ была до сихъ поръ. Но злоба и безчеловѣчность не единственный цвѣтокъ, выростающій на народной нивѣ при большевизмѣ. Есть и другое чувство, которое теперь культивируется, это какъ ни странно — корысть. Къ чему ведетъ лозунгъ, который брошенъ большевиками — «грабь награбленное»? Слово «награбленное» не главное; это краснорѣчіе, мотивировка, оправданіе лозунга, вся суть его въ одномъ словѣ: «грабь», — отнимай, бери себѣ чужое добро. Къ чему можетъ привести такая доктрина? Прежній имущій классъ — меньшинство — пропадаетъ; одни съ честью и достоинствомъ, а другіе безъ всякаго достоинства, но постепенно люди этого класса гибнутъ; но на ихъ мѣстѣ выростаетъ новый собственникъ; онъ носитъ въ себѣ всѣ черты nouveau rich'a, человѣка, на котораго богатство обрушилось сразу, который къ нему не привыкъ и теряетъ равновѣсіе отъ этой удачи. И такимъ становится не ничтожное меньшинство, а то большинство народа, которое даетъ тонъ

государству. Вся народная психологія перерождается. Какъ бы отнесся Толстой къ подобному перерожденію? Во «Власти тьмы» онъ противопоставилъ гибель Никиты, прикоснувшагося къ даровымъ деньгамъ, личности и жизни Акима, который олицетворяетъ трудолюбіе, безкорыстіе, христіанское пониманіе вещей и который поэтому съ отвращеніемъ, какъ о грѣхѣ, говорилъ о банковскихъ операціяхъ. Гдѣ сохранится въ Россіи милый Толстому типъ Коротаевыхъ или Акимовъ? Въ моментъ общей погони за наживой, за чужими богатствами этотъ типъ пропадаетъ безъ слѣда; на его мѣсто придутъ иные люди, современные удачники. Признаки такого процесса уже наблюдаются. Появился новый типъ «мѣшечника»; съ точки зрѣнія интересовъ населенія они благодѣтели; только благодаря имъ долгое время могли существовать наши столицы; но что они съ точки зрѣнія морали и общественной психологіи? Мѣшечники работаютъ не изъ-за идеи, не изъ-за состраданія къ тѣмъ, кто умираетъ съ голоду въ городѣ; это не филантропы, приносящіе заключенному калачикъ въ тюрьму; мѣшечникъ — откровенный спекулянтъ, который наживается на чужой бѣдѣ, на чужомъ несчастьѣ, который рискуетъ жизнью, чтобы заработать фантастиче-

скую прибыль. И за этой прибылью бросилась такая масса людей, что они почти одни кормили столицы. А что творится въ самой крестьянской массѣ? Не Акимы даютъ ей теперь направленіе: въ крестьянствѣ пробудились другіе инстинкты. Даже за деньги они не посылаютъ хлѣба въ города. Не даютъ его тѣмъ, кто съ голоду гибнетъ; требуютъ за него платы, и не денегъ, которыя дешевы, а хотя бы ненужныхъ имъ предметовъ комфорта и роскоши; люди вымираютъ на ихъ глазахъ, и они остаются равнодушны къ этой бѣдѣ, и даже этимъ пользуются: ихъ время пришло. Конечно, есть исключенія, рѣдкія, но трогательныя исключенія, такія, за которыя когда то можно было простить Содомъ и Гоморру; но это все-таки исключенія. Масса же крестьянства, которая опредѣляетъ національный обликъ народа, бросилась за наживой; одни гибнутъ, — а они на этой гибели благоденствуютъ и наживаются. И на этой массѣ появились уже самыя отталкивающія черты буржуазнаго типа; въ соціалистической полемической литературѣ мы не разъ читали нападки на буржуазную психологію и нравы; какъ представители ея бездушной идеологіи, чтобы сократить производство и тѣмъ увеличить свои барыши, увольняютъ рабочихъ; какъ для того, чтобы поднять

цѣны на рынкѣ, они придерживаютъ товары до момента наибольшаго спроса, прячутъ ихъ, чтобы взвинтить ихъ цѣну впослѣдствіи. Эти факты до сихъ поръ выставлялись, какъ образчикъ того, до чего можетъ пасть человѣкъ подъ вліяніемъ денегъ; но все это приписывалось капиталистамъ, буржуямъ, богатому и счастливому меньшинству; этому противупоставляли крестьянство и трудолюбивый пролетаріатъ, носителей идеи національной солидарности. Но что происходитъ теперь? Крестьяне не пашутъ полей, чтобы урожай не достался другимъ; крестьяне прячутъ зерно, которое гніетъ въ подвалахъ и ямахъ, чтобы оно не пошло тѣмъ, у кого хлѣба нѣтъ; крестьяне ненавидятъ рабочихъ потому, что имъ приходится работать на нихъ. Конечно, съ точки зрѣнія міра, развитіе такой психологіи нормально и правильно; пожалуй, въ немъ даже спасеніе. Вѣдь мы считали, что одна изъ причинъ неудачъ нашей революціи заключалась именно въ томъ, что въ Россіи было *мало буржуазіи;* что у нашей буржуазіи не было достаточно ясно выраженной классовой психологіи, что она не умѣла себя защищать, бороться за власть, что она рукоплескала революціоннымъ теченіямъ, рубила тотъ сукъ, на которомъ сидѣла. Наша русская буржуазія, съ нашей

точки зрѣнія, не сумѣла отстоять своего благополучія, а потому не отстояла и государства; мы, люди міра, смотримъ безъ всякаго ужаса, а напротивъ, съ надеждой на то, какъ перерождается наше крестьянство и въ этомъ видимъ залогъ оздоровленія. Разбогатѣвшіе крестьяне, эти новые буржуи, не повторятъ ошибокъ буржуазной интеллигенціи, которая обнаруживала, говоря словами Маркова 2-го, «слюнявую гуманность». Когда само крестьянство станетъ буржуазнымъ по характеру и пріемамъ, оно многому научится, научится дорожить порядкомъ, поддерживать власть, пойметъ необходимость полиціи, не будетъ, какъ когда-то прогрессивные интеллигенты, мечтать о свободѣ, о любви къ низшему брату, о равенствѣ. Изъ большевистской школы выйдетъ новая Россія, въ которой научатся не только проживать, но и наживать состоянія, отучатся отъ безплодныхъ мечтаній о томъ какъ жить по-Божьи, отъ праздныхъ разговоровъ на общія темы, отъ идеализаціи народныхъ низовъ, босяковъ, народолюбія, отъ мечтаній о высшей справедливости и альтруизмѣ. Европа будетъ насъ понимать и цѣнить, не будетъ, какъ теперь, смѣяться надъ нашей безпомощностью и неумѣлостью, признаетъ въ насъ практическій смыслъ, способность къ государ-

ственному управленію. Тогда будетъ крѣпкая, эгоистическая, буржуазная Россія, не та Россія простыхъ, смиренныхъ, но и неумѣлыхъ людей, которую Толстой такъ любилъ и цѣнилъ. Мы, люди міра, будемъ этому радоваться, ибо это будетъ прогрессъ, шагъ впередъ къ тому государственному идеалу, который мы носимъ въ себѣ; будетъ богатая, культурная, хотя и жестокая Россія; но когда мы будемъ радоваться, Толстой будетъ скорбѣть; онъ не проститъ большевикамъ этого прогресса, не проститъ имъ того, во что они и ихъ господство превратили Россію.

Еще одна черта въ большевизмѣ, оцѣнка которой у Толстого не была бы похожа на нашу. Мы, люди міра, любимъ историческихъ героевъ и дѣятелей; это тоже съ нашей стороны своего рода культъ *силы*. Какъ ни отвратительна намъ дѣятельность Ленина и большевиковъ, у нѣкоторыхъ изъ насъ вырывается невольное восхищеніе передъ исключительной ролью, которую они сыграли въ Россіи. «Со времени Петра Великаго не было никого, кто бы такъ отпечатлѣлъ на Россіи черты своей собственной личности», говоритъ авторъ одной изъ лучшихъ характеристикъ главы большевизма. И обаяніе этой силы вліяетъ на нашу оцѣнку,

заставляетъ насъ прощать имъ то, что мы не простили бы другимъ. Это—сверхъ-человѣки, тѣ, которымъ «все позволено», какъ думалъ Раскольниковъ. У Толстого было бы совсѣмъ другое отношеніе къ этому. Онъ вообще не любилъ историческихъ героевъ, громкихъ именъ; его герои и любимцы скромные и незамѣтные люди. Великіе люди, — говорилъ онъ, — это только этикетки, которыя исторія пришпиливаетъ *потомъ* на событія, ведомыя совсѣмъ иной, недоступной намъ силой, которую одни зовутъ провидѣніемъ, другіе — случаемъ. Въ своей философіи исторіи, изложенной въ примѣчаніяхъ къ «Войнѣ и Миру», онъ не разъ отрицалъ значеніе личности на ходѣ событій. Отсюда вытекло у него развѣнчаніе въ «Войнѣ и Мирѣ» Наполеона, одного изъ тѣхъ титановъ, который, по выраженію Хомякова, былъ «помазанникомъ собственной силы»; моральное чувство Толстого оскорбляла претензія управлять другими, навязывать имъ свою волю. Въ «Войнѣ и Мирѣ» онъ Наполеону противопоставилъ смиреннаго Кутузова; всѣ симпатіи Толстого на сторонѣ послѣдняго. Но его Кутузовъ, чтобы привлечь симпатіи Толстого, вышелъ у него не только своеобразной, но и исторически непохожей на подлинникъ фигурой; посмотрите разницу между Кутузовымъ въ

«Войнѣ и Мирѣ» и Кутузовымъ Пушкина. У Пушкина это «исполинъ»,«идолъ сѣверныхъ дружинъ», это «старецъ грозный»; у Толстого это «дѣдушка», по выраженію Малаши. И если Толстой не могъ простить великому Наполеону его претензіи управлять и властвовать, несмотря на заслуги его передъ Франціей, если онъ съ непріязнью относился къ Великому Петру, ко всѣмъ, кто претендовалъ на господство и власть, то какъ бы посмотрѣлъ онъ на тѣхъ людей, которые изъ чужбины пріѣхали въ Россію въ моментъ, когда утомленная войной она искала выхода и спасенія,воспользовались ея бѣдой,чтобы захватить въ свои руки власть, а потомъ кровью и желѣзомъ, казнями и пытками стали насиліемъ гнать Россію туда, куда хочется не Россіи,а имъ, и только потому, что имъ туда хочется. Какъ бы отнесся онъ къ тѣмъ, которые развратили и раззорили Россію потому, что дерзостно требовали, чтобы въ Россіи былъ непремѣнно тотъ порядокъ, котораго они захотѣли!

Но довольно. Этихъ примѣровъ достаточно. Но ихъ можно было бы очень умножить. Врагъ государства по принципу, Толстой ревниво отстаивалъ противъ него все то, что онъ, говоря языкомъ государственниковъ, считалъ «неотъемлемымъ правомъ человѣческой личности»,

т. е. различные виды свободы. Въ его любопытномъ памфлетѣ «Царю и его помощникамъ» высказалось во всей полнотѣ это убѣжденіе, что государство есть зло, что единственное, что оно можетъ сдѣлать, это перестать мѣшать людямъ, прекратить свою дѣятельность, свои предписанія и запреты. Всякія стѣсненія человѣческой иниціативы со стороны государства его возмущали; но особенно тѣ, которыя бы оказались покушеніемъ на то, что для него было Божьимъ дѣломъ, на свободу мысли, совѣсти, слова. Государственный строй, который ввели большевики, который казнитъ за убѣжденія, за пропаганду, за слово, который требуетъ разрѣшенія для передвиженія, для выбора рода труда или мѣстожительства, строй, который порабощаетъ человѣка своими запретами и приказами, своимъ вмѣшательствомъ во всѣ стороны человѣческой жизни,—такой строй не нашелъ бы въ его глазахъ никакихъ оправданій... Мы, люди міра, тоже имѣемъ право осуждать большевизмъ; у насъ съ нимъ *свои* счеты, хотя мы и говоримъ съ нимъ на одномъ языкѣ. Мы обвиняемъ большевиковъ за то, что, прикрываясь идеей общаго блага, они ведутъ къ раззоренію *страны* и къ рабству и гибели *личности;* что дорогую для насъ идею народовластія они компрометтировали своимъ личнымъ го-

сподствомъ, и тѣмъ готовятъ въ Россіи реставрацію деспотизма. Мы ихъ осуждаемъ за то, что ихъ пріемы управленія заставляютъ теперь жалѣть о тѣхъ непорядкахъ, съ которыми мы когда-то боролись, что они оправдываютъ въ будущемъ всякій бѣлый терроръ; за то, что они дискредитировали идею и соціализма, и народоправства, и революціи, что они идейно подготовляютъ худшіе виды реакціи. Мы могли бы противъ нихъ сказать еще очень многое; Толстой не правъ, когда между нами и ими усматриваетъ что-то общее; но можемъ ли мы въ свою очередь сомнѣваться, зная, что такое Толстой, что между имъ и большевиками нѣтъ ни малѣйшаго сходства?

И тутъ я подхожу къ вопросу, съ котораго началъ. Если это такъ, то откуда же все недоразумѣніе? Почему ученики Толстого клонятъ головы передъ большевизмомъ? Почему большевики преклоняются передъ памятью того, кто былъ ихъ непримиримымъ противникомъ? Это интересный вопросъ, и да будетъ мнѣ позволено коснуться его въ заключеніе.

Я не хочу искать мелкихъ и случайныхъ причинъ этого факта, говорить, что толстовцы либо запуганы, либо подкуплены. Если бы это было и вѣрно, такое объясненіе не было бы ни характер-

нымъ, ни поучительнымъ. Да какъ общее объясненіе оно не годится; среди толстовцевъ есть люди, которые себя не продадутъ. Я могъ бы сказать, что они Толстого не понимаютъ; это было бы, конечно, справедливо, но такое объясненіе *одно* показалось бы съ моей стороны претенціознымъ, а кромѣ того не интереснымъ. Что же изъ того, если кто-либо не понимаетъ другого? При этомъ отношеніе толстовцевъ къ большевизму настолько обще,что не можетъ быть признано случайнымъ; потому то оно и представляетъ большой интересъ; почему же *именно они*, почти поголовно, не понимаютъ того, кого считаютъ учителемъ? Почему я, человѣкъ другой вѣры, понимаю его лучше, чѣмъ они? Интересъ этого факта лежитъ въ парадоксѣ: Толстого можно понять, но невозможно принять; если кто-либо говоритъ, что онъ его ученіе *принимаетъ*, что онъ его послѣдователь и единомышленникъ, это вѣрный признакъ того, что онъ его *не понимаетъ* или понимаетъ ошибочно. Понять Толстого возможно, хотя не легко; для этого надо только внимательно прочесть его сочиненія, выловить изъ нихъ то основное, отъ чего онъ не отступалъ, освободить главную мысль отъ наноснаго,отъ полемическихъ отступленій и противорѣчій. Стоитъ *постараться* понять его каковъ онъ есть, не торопясь съ

легкой критикой и возраженіями. Эта задача не очень легка не только потому,что ученіе Толстого настолько далеко отъ нашихъ понятій,что иногда трудно повѣрить,чтобы то,что онъ говоритъ, было серьезно, не было преувеличеніемъ, капризомъ ума; она трудна потому, что Толстой плохой діалектикъ и логикъ; у него не систематическій умъ, какъ онъ ни старался иногда излагать свое ученіе по параграфамъ; но если послѣ такой работы добраться до того, что есть сущность ученія Толстого, оно становится послѣдовательнымъ и логичнымъ, все вытекаетъ изъ нѣкоторыхъ основныхъ положеній, доведенныхъ до ихъ логическихъ выводовъ. Тогда это ученіе перестаетъ казаться безсмысленнымъ, нежизненнымъ, какимъ-то вызовомъ здравому смыслу. Какъ бы мы,люди міра,ни стояли далеко отъ его ученія, мы можемъ его понять, преклониться передъ нравственной его высотой, опредѣлить его мѣсто среди другихъ ученій, можемъ оцѣнить какъ мелки тѣ обычныя мірскія возраженія,которыми стараются его опровергнуть. Но отсюда цѣлая пропасть до того,чтобы *принять* это ученіе, съ нимъ согласиться. Тотъ, кто хочетъ принять это ученіе, долженъ принять и его исходную точку, смотрѣть его глазами на міръ, на смыслъ жизни и ея основную проблему. Это да-

но не всѣмъ: не даромъ ученіе Толстого — ученіе не отъ міра сего. Недаромъ онъ самъ говорилъ въ началѣ своего главнаго сочиненія: «Въ чемъ моя вѣра»: «Жизнь моя вдругъ перемѣнилась; мнѣ перестало хотѣться того, чего прежде хотѣлось, и стало хотѣться, чего прежде не хотѣлось; то, что прежде казалось мнѣ хорошо, показалось дурно, и то, что прежде казалось дурно, показалось хорошо... Направленіе моей жизни - желанія мои стали другія. Добро и зло перемѣнились мѣстами». Чтобы ученіе Толстого могло быть принято, чтобы оно не показалось безсмыслицей, необходимо самому пережить подобную перемѣну, необходимо *возненавидѣть мірскую жизнь, ученіе міра.* Причина такой перемѣны лежитъ не въ признаніи новаго государственнаго строя, не въ усвоеніи новой экономической доктрины или ученія о созданіи и распредѣленіи матеріальныхъ благъ; корень перемѣны лежитъ въ психологіи человѣка, въ постановкѣ имъ основного вопроса о цѣли и смыслѣ человѣческой жизни. Чтобы понять ее, надо пережить то состояніе, которое пережилъ онъ,и о которомъ разсказалъ въ своей «Исповѣди». Что было съ нимъ? Было то, что Толстой, этотъ баловень судьбы и природы, надѣленный въ изобиліи всѣмъ тѣмъ, что принято считать человѣческимъ сча-

стьемъ; богатствомъ, несокрушимымъ здоровьемъ, необыкновеннымъ талантомъ, окруженный всемірной славой, съ громадными связями въ цѣломъ мірѣ, наконецъ, счастливый въ семейной жизни, этотъ истинный олимпіецъ, предметъ общей зависти, Толстой, помышлялъ о самоубійствѣ. И не потому, чтобы съ нимъ случилась бѣда, не отъ преходящаго горя, даже не отъ горя другихъ, съ которымъ бы онъ случайно столкнулся. Онъ страдалъ и погибалъ отъ безсмыслицы собственнаго счастья. Это произошло оттого, что Толстой понялъ, что нѣтъ ни одного людского счастья, которое не уничтожалось бы *смертью*. Своей чуткой душой въ разгаръ счастья онъ понялъ основное противорѣчіе человѣческой жизни: человѣкъ живетъ для себя, только для себя, весь міръ ему важенъ постольку, поскольку онъ служитъ ему. Но наступаетъ неизбѣжная смерть, и этотъ міръ продолжаетъ жить, а та ничтожная человѣческая жизнь, которая казалась важнѣе всего, вдругъ исчезаетъ. Это сознаніе безсмыслицы заботъ о собственномъ счастьѣ, когда завтра появится смерть, есть та самая мысль, которая проведена и въ Евангеліи: человѣкъ построилъ житницу, наполнилъ ее богатствомъ, чтобы «покоиться, ѣсть, пить, веселиться», вотъ то, о чемъ мечтаемъ мы, люди міра; но бе-

зумцы, — говоритъ Христосъ, — Богъ въ эту ночь позоветъ васъ къ Себѣ; къ чему же вы строили всѣ эти житницы, о чемъ вы заботились, о чемъ хлопотали? Эта безсмыслица счастья, которое кончается смертью, безсмыслица жизни, если она не безконечна, и привела Толстого въ то отчаяніе, при которомъ онъ сталъ думать о смерти. Вы помните ту художественную картину, восточную басню о Драконѣ, которую онъ нарисовалъ въ своей «Исповѣди».

«Давно уже разсказана восточная басня про путника, застигнутаго въ степи разъяреннымъ звѣремъ. Спасаясь отъ звѣря, путникъ вскакиваетъ въ безводный колодецъ, но на днѣ колодца видитъ дракона, разинувшаго пасть, чтобы пожрать его. И несчастный, не смѣя вылѣзть, чтобы не погибнуть отъ разъяреннаго звѣря, не смѣя и спрыгнуть на дно колодца,чтобы не быть пожраннымъ дракономъ, ухватывается за вѣтви растущаго въ расщелинѣ колодца дикаго куста и держится на немъ. Руки его ослабѣваютъ, и онъ чувствуетъ, что скоро долженъ будетъ отдаться погибели, съ обѣихъ сторонъ ждущей его; но онъ все держится, и видитъ, что двѣ мыши, одна черная, другая бѣлая, равномѣрно обходя стволину куста, на которомъ онъ виситъ, подтачиваютъ его. Вотъ-вотъ самъ собой обру-

шится и оборвется кустъ, и онъ упадетъ въ пасть дракону. Путникъ видитъ это и знаетъ, что онъ неминуемо погибнетъ; но пока онъ виситъ, онъ ищетъ вокругъ себя и находитъ на листьяхъ куста капли меда, достаетъ ихъ языкомъ и лижетъ ихъ». («Исповѣдь»).

Вотъ исходная точка Толстого: люди, которые живутъ въ заботахъ о радостяхъ жизни, о земномъ счастьѣ, и были тѣмъ легкомысленнымъ безумцемъ,который,вися надъ пропастью, услаждается лизаніемъ меда. И какъ только Толстой это понялъ, мірскія блага ему показались безсмысленными; жизнь, состоящая въ погонѣ за ними, безумной; онъ возненавидѣлъ самыя блага, которыми всѣ другіе дорожатъ, изъ-за которыхъ живутъ, возненавидѣлъ ихъ потому, что они мѣшаютъ человѣку видѣть истинный смыслъ жизни тамъ, гдѣ онъ есть, т. е. въ любви къ людямъ,въ жизни для нихъ, въ отреченіи отъ всякаго эгоизма, и вслѣдствіе этого въ побѣдѣ надъ смертью. Ему показались несчастными и безумными тѣ, кто строятъ свою жизнь на стремленіи получить и сохранить эти блага, безумнымъ то общество, которое заботится объ одномъ, чтобы ихъ производить, распредѣлять и обезпечивать отъ расхищенія. Онъ возненавидѣлъ самыя блага и понялъ, что единственный разумный посту-

покъ это ихъ бросить, удалиться отъ нихъ; это лучше, чѣмъ изъ-за нихъ *губить свою жизнь;* ибо вѣдь наличіе и обиліе этихъ благъ не спасло Толстого отъ мысли о самоубійствѣ. И смотря *такъ* на жизнь, онъ не могъ не жалѣть тѣхъ, которые изъ-за этихъ благъ трудятся, работаютъ, борятся между собой и другъ друга ненавидятъ. Толстой обличалъ богатыхъ,счастливыхъ и довольныхъ не потому, что *завидовалъ* имъ, что считалъ, что они живутъ за чужой счетъ, что они взяли себѣ отъ жизни лучшую часть,обдѣляя ею другихъ,не потому,что они насильственно завладѣли тѣмъ,что должно быть справедливо распредѣлено между всѣми,онъ обличалъ ихъ не потому, что хотѣлъ *иного* распредѣленія этихъ благъ, хотѣлъ бы вернуть другимъ то, что они у нихъ отняли. Онъ обличалъ богатыхъ и счастливыхъ потому, что *они* несчастны, что *они* идутъ ложной дорогой, что наступитъ минута, когда *ихъ* глаза раскроются, и они вдругъ поймутъ съ той ясностью, съ которой онъ самъ понялъ это на переломѣ жизни, что смерть неизбѣжна и близка, что смерть постепенно подходитъ и при видѣ этой смерти вся жизнь, посвященная заботѣ о пріобрѣтеніи и сохраненіи мірскихъ благъ, покажется истиннымъ безумствомъ и ослѣпленіемъ. Кто пережилъ и не только мимолетно подобныя

настроенія, тотъ можетъ не только *понять*, но и *принять* Толстого. Кто можетъ подобно ему изъ-за страха смерти возненавидѣть мірскія блага, отказаться отъ заботы о нихъ,отъ работы на ихъ пріобрѣтеніе, тотъ можетъ принять толстовскую вѣру съ ея«непротивленіемъ злу»,«недѣланіемъ» и другими парадоксами;для человѣка въ такомъ настроеніи покажутся мелкими и пустыми споры капиталистовъ съ соціалистами о распредѣленіи труда и прибыли; и тѣ и другіе заботятся о томъ, что совершенно не важно, и забываютъ о томъ, что безспорно и нужно — *о предстоящей собственной смерти*. Но многіе за внѣшностью не видятъ сути вещей, сходятся съ Толстымъ только въ его обличеніяхъ, въ его *нападкахъ* на *богатыхъ* и *знатныхъ*, въ его критикѣ, и думаютъ, что они согласны съ самимъ ученіемъ. Толстой обличаетъ богатаго жалѣя его, считаетъ нищаго и пролетарія болѣе счастливымъ, чѣмъ богатаго; а тѣ, кто нападаютъ на богатаго, потому что *завидуютъ* его богатству, потому что желаютъ взять его для себя или для другихъ, кто проповѣдуютъ «грабь награбленное», тѣ думаютъ, что это обличеніе сближаетъ ихъ съ Толстымъ, что они думаютъ одинаково съ нимъ. Это внѣшнее согласіе въ ихъ глазахъ закрываетъ всю непроходимую разницу между ними. Иллю-

страція такого непониманія есть и въ Евангеліи, въ разсказѣ о богатомъ юношѣ. Онъ спрашивалъ Христа, что ему дѣлать, и Христосъ прописалъ ему банальныя ветхозавѣтныя заповѣди внѣшняго поведенія, и даже то лучшее, до чего додумался языческій народъ, идею справедливости, (люби другихъ, какъ самого себя). Юноша все это уже дѣлалъ и могъ поэтому считать себя Его ученикомъ.Но Христосъ прибавилъ послѣднее: «Раздай богатство и слѣдуй за Мной». Въ этомъ сущность и оригинальность Христова ученія: кто пожалѣетъ этого богатства, кто поколеблется это сдѣлать, покажетъ, что онъ не понимаетъ исходной точки Христа, а потому за Нимъ не пойдетъ. Этотъ разсказъ иллюстрируетъ, какъ тѣ, кто почиталъ Христа, слѣдовалъ Его заповѣдямъ, и думалъ, что съ Нимъ согласенъ и могъ быть Его ученикомъ, тѣмъ не менѣе не понимали самой сути Христова ученія, не понимали того, что отличало его отъ ученія міра.

Ученіе Толстого, которое онъ никогда своимъ не называлъ, въ которомъ онъ только старался возстановить Христово ученіе, — есть ученіе «не отъ міра сего». И потому надо или отвергать міръ, всѣ его понятія и привычки, или отвергать его ученіе. И то, что въ наше время происходило съ ученіемъ Толстого, т. е. то, что имен-

но послѣдователи Толстого не понимали его, произошло еще раньше съ Христомъ. Я надѣюсь не оскорбить ничьихъ вѣрованій, когда провожу эту параллель. Тогда, когда появилось ученіе Христа, двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ, въ моментъ религіознаго экстаза, сопровождавшаго крушеніе всего античнаго міра, нашлись люди, которые пошли за Христомъ, хотя Его понимали. Эти люди бросали свои богатства, связи, положенія, и шли съ радостью умирать на аренахъ и циркахъ. Они не только принимали, но и понимали Христа. Его понимали и враги этого ученія. Эстетики Петроніи и мудрые государствовѣды Марки Авреліи одинаково чувствовали, что Христово ученіе — гибель *ихъ* цивилизаціи, *ихъ* государственныхъ задачъ, всего *ихъ* государственнаго пониманія, гибель Великой Римской Имперіи. Одни изъ нихъ возненавидѣли это ученіе, другіе просто смѣялись надъ нимъ; міръ его не принималъ, и не принималъ именно потому, что его понималъ. Оно еще не было искажено авторитетными интерпретаціями. И шла борьба Христа и міра.Но прошли вѣка,и міръ,оставшись тѣмъ, чѣмъ онъ былъ, сохранивъ всю свою сущность, т. е. государство и его задачи и формы, т. е. законы, суды, правительства, — словомъ всю внѣшнюю культуру, міръ вдругъ *при-*

нялъ Христа. Это означало одно: міръ пересталъ Его *понимать*. Міръ изъ всего Христова ученія усвоилъ одну двухсмысленную фразу: — отдай Кесарево Кесарю, Божіе Богови, и, жонглируя этой фразой, оставилъ земную жизнь Кесареви, его волѣ, его взглядамъ, отославъ Царство Христа на небеса. Міръ принялъ Христа, и это значило. что міръ пересталъ Его понимать.Конечно и въ «исправленномъ» видѣ христіанство осталось высокимъ ученіемъ, положило историческую грань на развитіи человѣчества; но оно перестало быть чистымъ ученіемъ Христа, стало ученіемъ міра сего. И когда я смотрю теперь на толстовцевъ, которые увѣряютъ серьезно, будто Толстой простилъ бы большевикамъ ихъ звѣрства, за то, что ихъ насилія ведутъ къ торжеству коммунизма, къ гибели богатствъ и богатыхъ, когда я вижу толстовцевъ, которые *такъ* понимаютъ его, я невольно вспоминаю великихъ и малыхъ инквизиторовъ, послѣдователей Христова ученія, которые тоже воображали, что его понимаютъ,когда во имя Христа жгли на кострахъ. *Такое* пониманіе общее явленіе; это мірская судьба ученій, которыя не отъ міра сего.

Но теперь послѣдній вопросъ: почему же большевики почитаютъ Толстого? Пусть они тоже не понимаютъ его; это возможно; но есть вещи, ко-

торыхъ они не могутъ не видѣть; не могутъ не знать, что Толстой ненавидѣлъ насиліе, проклиналъ всѣхъ насильниковъ, отрицалъ все, чѣмъ живутъ большевики. Почему же, несмотря на это, они склоняютъ головы передъ своимъ врагомъ и обличителемъ? Я и тутъ не хочу ограничиться простымъ объясненіемъ, что они дѣлаютъ это изъ-за *рекламы*. Пусть это такъ, но почему же имъ нужна именно *эта* реклама, почему недостаточно Маркса и Энгельса, почему имъ понадобилось преклоняться передъ *Толстымъ*? Отвѣтить на это, значитъ разъяснить, что такое былъ Толстой для Россіи, почему онъ былъ для нея тѣмъ, чѣмъ онъ былъ, почему память о немъ не заглохла и день его смерти день національнаго траура. Не въ концѣ лекціи поднимать этотъ вопросъ. Иностранцы этого не поймутъ, а для насъ, русскихъ, исключительное положеніе Толстого въ Россіи фактъ настолько безспорный, что его не надо доказывать, и слишкомъ сложный, чтобы въ короткихъ словахъ мотивировать. Толстой былъ не только гордостью Россіи, ея славой, онъ былъ ея *утѣшеніемъ*; не даромъ Тургеневъ въ своемъ знаменитомъ письмѣ считалъ себя счастливымъ, что былъ его *современникомъ;* становилось легче на душѣ, когда вспоминалось, что Толстой живъ

и существуетъ; даже если онъ молчалъ, было спокойнѣе жить, зная, что онъ можетъ заговорить. Какъ Тургеневъ, въ минуту «сомнѣній и тягостныхъ раздумій о судьбахъ родины», утѣшался сознаніемъ, что существуетъ русскій языкъ «великій, могучій, правдивый и свободный», такъ и Россія въ тяжелые дни, — они не только настали теперь, — успокаивала себя мыслью, что у нея есть Толстой, что онъ не миѳъ, не легенда, что онъ живая реальность,что онъ дѣйствительно существуетъ этотъ старикъ, на котораго смотритъ весь міръ, что онъ не покинетъ Россіи, *не промѣняетъ ее ни на что.* И эта любовь къ Толстому цѣлаго народа, въ свою очередь составляла силу Толстого и его обаяніе. Думая о немъ, я вспоминаю слова Кирѣевскаго, приведенныя Герценомъ, о чудотворной иконѣ: «я смотрѣлъ на эту икону и думалъ, — нѣтъ это не простая доска съ изображеніемъ. Многіе, долгіе годы она впитывала въ себя всѣ жалобы, мольбы и изліянія, она насыщена ими, въ этомъ ея сила». Я не помню дословно цитаты, но таковъ ея смыслъ. Къ Толстому тоже со всѣхъ сторонъ Россіи и всего міра шли горести, сомнѣнія, недоумѣнія, отъ него ждали отвѣта. Онъ сталъ воплощеніемъ человѣческой совѣсти, послѣдней надеждой и защитой скорбящихъ, оби-

женныхъ и несчастныхъ; въ этомъ была его сила; своей общей любовью человѣчество сдѣлало изъ него эмблему того, что въ немъ самомъ было лучшаго. И это охраняло Толстого. Онъ жилъ въ тѣ годы, которые кажутся намъ теперь благополучными, но это не были годы свободы, уваженія къ человѣку, политической и религіозной терпимости. Власть была сильна и требовательна, она своихъ враговъ не щадила; но его она тронуть не смѣла, онъ былъ подъ защитой всеобщей любви. Его отлучили отъ Церкви. И что же? Это отлученіе пало на тѣхъ, кто его отлучилъ. Оно ни въ чемъ не уронило его обаянія, не повлекло тѣхъ послѣдствій, которыя наступали для тѣхъ, кого Церковь объявляла отступникомъ; а когда Толстой умиралъ, та же Церковь старалась съ нимъ помириться. Его сочиненія казались опасными. За простое ихъ храненіе подвергали суду, а его, автора ихъ, тронуть не смѣли. Когда судили его учениковъ за его сочиненія, онъ не разъ заявлялъ о себѣ, требовалъ суда надъ собой, указывалъ на нелогичность, на безстыдство такого къ себѣ отношенія, — и все было тщетно. Государство передъ нимъ пасовало. Я помню, какъ на одномъ процессѣ, гдѣ я защищалъ, я подалъ прокурору его собственноручное заявленіе, что онъ

—авторъ тѣхъ сочиненій, за которыя судили подсудимаго. Прокуроръ отвѣчалъ, что подпись Толстого не засвидѣтельствована нотаріусомъ и потому ее надлежитъ оставить безъ всякихъ послѣдствій. Конечно, смѣшна такая лицемѣрная отговорка, но не смѣшенъ самый фактъ; — государство не *смѣло* тронуть Толстого, Толстой былъ *сильнѣе правительства.* И да будетъ мнѣ позволено вспомнить картину, которую я уже однажды въ Москвѣ приводилъ, говоря о Толстомъ, — а именно конецъ «Князя Серебрянаго». Грозный царь Іоаннъ Васильевичъ на Красной площади; идутъ казни и пытки; народъ видитъ, страдаетъ, но молчитъ, не смѣетъ поднять голоса противъ царя. Но вотъ приходитъ Василій Блаженный, тотъ самый юродивый, котораго тоже возвела на рангъ святого народная любовь и вѣра. Онъ начинаетъ обличать Іоанна, не слушаетъ его приказанія молчать; онъ грозитъ ему, осуждаетъ его. Иванъ Васильевичъ не вытерпѣлъ, замахнулся жезломъ на блаженнаго, хотѣлъ заглушить его голосъ. Но народъ, который покорно молчалъ, пока терзали и мучили его самого, не позволилъ этого покушенія на блаженнаго; онъ загудѣлъ: «не смѣй; въ животахъ нашихъ ты воленъ, а его не тронь». Народная любовь защитила бла-

женнаго; царь Иванъ не рѣшился поднять руку на того, въ комъ заключались надежды, упованія и радость народа. Тѣмъ же былъ Толстой въ наше время для насъ. И что было бы, если бы онъ былъ живъ въ настоящее время? У насъ былъ бы заступникъ; намъ бы не нужно было создавать комитеты, которые совокупностью своихъ членовъ должны были бы пріобрѣсти авторитетъ, чтобы напоминать міру, что Россія жива. Покуда онъ, Толстой, былъ живъ, покуда *онъ* стоялъ за Россію, къ ней не посмѣли бы отнестись съ тѣмъ высокомѣрнымъ презрѣніемъ, которое мы встрѣчаемъ теперь. Мы бы чувствовали нашу силу, мы бы не сознавали себя одинокими. А что сдѣлали бы съ нимъ большевики? Рѣшились-ли бы они его тронуть? О, безъ сомнѣнія нѣтъ. Они бы окружили его внѣшнимъ почетомъ, поднесли бы ему степень «почетнаго пролетарія», навязывали бы ему усиленныя хлѣбныя карточки; постарались бы на немъ показать свою терпимость, культурность и народолюбіе; но они бы также мало подкупили его почетомъ и лестью, какъ могли бы запугать угрозой и смертью. Они не смогли бы его и обмануть и прельстить, какъ прельстили его недальновидныхъ друзей. Они бы никуда не ушли отъ его обличеній, не могли бы заглушить его

голоса, который гремѣлъ бы на всю Россію и па весь міръ, громилъ бы безъ устали, не позволяя Европѣ заблуждаться относительно роли большевиковъ. И теперь, когда я вижу почетъ, которымъ большевики окружаютъ его память, я понимаю, что въ этомъ есть не только реклама, не только непониманіе Толстого, — въ этомъ есть доля искренности; какъ враги, которые возлагаютъ вѣнокъ на могилу погибшаго полководца-врага, они въ глубинѣ своей души могутъ искренне почитать его память: они радуются, что смерть избавила ихъ отъ такого противника.

В. Маклаковъ.

Книгоиздательство „РУССКАЯ ЗЕМЛЯ“.

Вышли изъ печати:

„ДАРЪ ЗЕМЛѢ“, сборникъ новыхъ стихотвореній К. Д. Бальмонта. Цѣна: **7 фр. 50 с.**

„ГОСПОДИНЪ ИЗЪ САНЪ-ФРАНЦИСКО“ и другіе разсказы И. А. Бунина. Цѣна: **12 фр.**

„СУЛАМИѲЬ“ и другіе разсказы А. И. Куприна. Цѣна: **12 фр.**

„НАВОЖДЕНІЕ“ и другіе разсказы гр. А. Н. Толстого. Цѣна: **12 фр.**

„НЕУПИВАЕМАЯ ЧАША“, повѣсть И. Шмелева. Цѣна: **7 фр. 50 с.**

„ДЕРЕВНЯ“ и „СУХОДОЛЪ“ И. А. Бунина. Цѣна: **12 фр.**

„14 ДЕКАБРЯ“, романъ Д. С. Мережковскаго. Цѣна: **15 фр.**

„ХРОМОЙ БАРИНЪ,“ романъ гр. А. Н. Толстого. Цѣна: **10 фр.**

„ПУТНИКИ“ и другіе разсказы Бориса Зайцева. Цѣна: **12 фр.**

„НЕБЕСНЫЯ СЛОВА“ и др. разсказы З. Н. Гиппіусъ. Цѣна: **12 фр.**

„ГАМБРИНУСЪ“ и другіе разсказы А. И. Куприна. Цѣна: **12 фр.**

„ТОЛСТОЙ И БОЛЬШЕВИЗМЪ“ В. А. Маклакова. Цѣна: **2.50.**

Печатаются:

И. С. ТУРГЕНЕВЪ. — «Письма къ г-жѣ Віардо». Первое полное собраніе. 2 тома.

И. А. БУНИНЪ. — «Чаша жизни».

Н. А. ТЭФФИ. — Сборникъ избранныхъ разсказовъ.

И. А. БУНИНЪ. — «Храмъ солнца».

А. И. КУПРИНЪ. — «Гранатовый браслетъ».

Гр. А. Н. ТОЛСТОЙ. — «Земныя сокровища».

ИВАНЪ НАЖИВИНЪ. — Новые разсказы.

Имѣются на складѣ:

СОЛОМОНЪ РЕЙНАКЪ. — «Орфей». (Всеобщая исторія религій); цѣна: 12 фр.

ПЕТРЪ АЛЕКСАНДРОВЪ. — «Сонъ». Цѣна: 2 фр.

СОВРЕМЕННЫЯ ЗАПИСКИ (ежемѣсячный журналъ), №№ 1, 2, 3 и 4; цѣна по 10 фр. каждый.

Продаются во всѣхъ русскихъ книжныхъ магазинахъ Европы.

По первому письменному требованію ("ROUSSKAIA ZEMLIA", 5ter, rue du Dôme, Paris, XVIe), книги высылаются въ провинцію и доставляются на домъ въ Парижѣ.